

Степной акафист

Владимира Терехова

75-летие известного крымского поэта, публициста, общественного деятеля, почетного академика Крымской академии наук, заслуженного деятеля искусств АР Крым Владимира Павловича Терехова, — хороший повод поразмышлять об истоках таланта этой многогранной личности.

Сделать это не так просто, если учесть, что из-под его пера вышли сотни стихотворений, десятки очерков, публицистические статьи. Число книг приближается к двум десяткам... Жизненный багаж Владимира Терехова копился в поездках по Крыму, в экспедициях по бескрайней России. Любопытная Муза поэта срывает цветы впечатлений в экзотической Индии, загорала под ярким солнцем Египта, лепила снежки в горных долинах Швейцарии, вслушивалась в горное эхо ущелий Дагестана, грелась на древних камнях Парфенона...

Есть некая точка отсчета, некий шифр, благодаря которому прорывается весь образный строй поэзии Владимира Терехова, его нравственный мир, его жизненные пристрастия. Как ни странно, познать это помог мне... Антон Павлович Чехов. В своё время он порастил читающий мир замечательной повестью «Степь». Увиденная во всех красках, услышанная в пении птиц, во впечатлениях чистой души наивного ребёнка, она удивила читателя не только свежестью и ароматом степных пейзажей, но и помогла осознать некие архетипические черты русского человека. В сущности, русский человек вышел не из дремучих лесов, не из заснеженных дебрей крайнего Севера. Прародина русского человека, в характере которого доминируют широта и удал, — это просторы южных степей, на которых тогда, может быть, ещё не стояли скифские бабы... Поэтическим зачатком к акафисту русской степи явилось знаменитое «Слово о полку Игореве».

Певцом полтавских раздолой стал творец «Тараса Бульбы» Николай Гоголь; певцом воронежской степи — Алексей Кольцов; на долю Чехова выпала судьба песнепевца приазовской и донецкой степей. «Певца! Певца!» — восклицали и крымские степи.

Первые слова матери, первый луч солнца, первые запахи жизни Владимир Терехов услышал, увидел и вдохнул именно в степном Крыму... Образы степного Крыма — родимое пятно, генетическая память, которая глубже и значительнее всех дальнейших житейских наслаждений. Всякий, кто внимательно вслушивался в родной язык, знает, что среди десятков и сотен тысяч слов есть такие, в которых сосредоточено главное содержание жизни. Их называют слова-концепты. Разбросанные по бескрайнему полю языка, они, как тяжёлые косяки, содержат самые полновесные зёрна. Вчитываясь в стихи Терехова, вдруг осознаешь, что на прочном стебле слова «степь» утвердился целый колос слов-образов, что отражают жизненную философию автора. Эти слова — мать, земля (поле), хлеб, вода, красота, совесть.

Молодая очарованность природой, восторг перед её красотой и силой сменились в творчестве поэта волнением за её благополучие, заботой о её спасении, о спасении людей, загнанных себя в экономическо-экологический туннель. Так тема любви к земле обретает особую окраску. Об этом была написана знаменитая книга Терехова «За перевалом перевала». Ей присуща острая экологическая направленность, озбоченность судьбой Крыма — уникального уголка планеты. Она вышла в свет в 1983 году. Тираж был изъят из магазинов и арестован. Киевские идеологи книги уничтожили.

Отметим, что в пятидесятые — семидесятые годы, да и позднее, степная тема, трудовая жизнь села определяли и тональность, и основное содержание поэтических книг Терехова: «Радуга», «Здравствуй, поле», «Степные колодцы», «Хлебный дождь», «Свет утренней звезды», «Дикое жито»... В сборнике «Степные колодцы» (1966 — 1970) одним из первых стоит цикл «Мама печёт хлеб». Это сага из трёх стихотворений, посвящённая трудному, но радостному процессу приготовлению домашнего хлеба. В старину иначе и не велось. Сегодня это произведение воспринимается как исторический документ — так далеко ушла наша жизнь...

Тема матери, в соответствии с фольклорной традицией, неразрывно связана с темой земли, хлеба, но для каждого из нас это ещё и тепло руки, которая ласкала, и уют родительского дома. Поэт в душевных молитвах обращается к матери в дни радости и печали. Автор напоминает о необходимости с добротой относиться к каждой пожилой женщине: она тоже чья-то мать, она тоже тоскует по своим разлетевшимся птенцам. Мысленно возвратившись в родной дом, автор с ласковой грустью видит мать «поцветавшую, как от солнышка»...

Странно было бы, если бы молодой поэт, очарованный степью и неброской красотой сельского быта, не испытал воздействия есенинской поэзии. Сам материал — деревенская жизнь — предполагает и общность сюжетов, и напевный лад стихов, и народную образность. Как и Есенин, Терехов видит «голубую косынку на цветах иван-чая», грустит вместе с вербой у пруда... В его стихотворениях звучит лесное эхо, а в травах «ливы гарцуют»...

Замечено, что образность народных поэтов восходит ко временам, когда земледелец заселял звёздное небо образами знакомых ему реалий (к примеру, по небесам пролегал «Млечный путь», а контуры созвездий напоминают то медведицу, то волонку, то козерога, то рыбу, то змею). Небесные же образы крестьянин вводит в свою бытовую жизнь. И потому на ставнях мы видим звёзды и полумесяцы, а на коньках крыш красуется животворящее солнце. Стилистика этой народной, есенинской поэзии явственно ощущается в стихотворениях Терехова:

*Месяц котны бодает
Молодыми рогами.
Прошлогоднее лето
Шелестит под ногами.*

Однако, размышляя о характере степной образности Терехова, осознаешь, что это совсем не та народная деревенская стихия, из которой вышла муза Сергея Есенина. Можно было бы упрекнуть поэта крымских степей, что в его стихах нет картин традиционного русского крестьянского быта. Нет поэзии сельского престоленного праздника, почти не ощущается скомошорный ритм частушек, редко встречаются отголоски народной сказки, поговорки, пословицы. Но не надо забывать, что степной Крым — это не воронья степь. Так получилось, что на протяжении сотен и тысяч лет над просторами полей слышались голоса разных народов. После Великой Отечественной этнический состав степного населения резко изменился. Уже не звучал здесь гортанный говор крымских татар, не водили хоры немецкие девушки, не слышался язык потомков Гомера... Зато появились украинские песни, острое слово русского мужика... История рождения новых степных наречий

имела вековые корни. Об этом напоминает стихотворение Терехова о селе Семисотка, которое было основано в керченской степи ссыльными драгунами ещё в 1810 году. И уже не удивляешься, когда в ткани исконно русской речи вдруг врывается цветная ниточка украинских речений. Автору они настолько знакомы и естественны, что он даже не считает нужным делать пояснения. К примеру: что такое «герлыга»? Что такое «налыгаг»?

Владимир Терехов осознает, что в современном урбанизированном мире земля перестала быть предметом поэзии, намного чаще она выступает предметом купли-продажи... И потому он ощущает себя одним из последних представителей вымирающего племени.

В душе поэта странным образом уживаются и любовь к степи, её бескрайним просторам, и любовь к горам, их величественным красотам. Очевидный парадокс, возможно, объясняется особым пристрастием Терехова к воде. Исходя влode и попере к крымскую яилу и горные края, изучив сложную систему подземных водных артерий, поэт и эколог открывает для себя глубинную взаимосвязь гор и степей. Горы аккумулируют влагу и затем щедро поят ею степные колодцы, родники и речки:

*Когда гора наполнится водой,
Откроются источники в долине.
И ничему — ни мусору, ни глине —
Не запечатать путь её святой.
Когда гора наполнится водой...*

*Когда водой наполнится гора,
В земле любая жилка встрепенётся.
И даже флегматичные колодцы
Взыграют и прольются через край.*

Завершая разговор о «степном акафисте» Владимира Терехова, отметим, что его образный строй пропитан меткими и живыми наблюдениями из мира природы. Вот, к примеру, совершенно неожиданный образ кипариса:

*За ночь небо помертвело.
Кипариса понал в сугроб.
И спит в снегу несмело
Воробыш небоскреба...*

Вот поэт живописует летнюю страду в степи: «Лежит земля в горячем полусне. // Хлопочет ветер бережно над ней, // Как будто мать младенца пеленает». Вот картина работы комбайнёра: он «в хлебах вилоблённым взглядом тонет», а вокруг «горя, как воск, течёт жарю

банной». Терехов называет уборку хлебов «святым временем жизни». И не случайно хлебоборо символически показан «с новорожденным утром на руках». Труд — начало начал человеческой жизни...

Вот, рисуя образ заката, поэт вновь отыскивает параллели между поэзией и степной природой: «Скородою освещено пылает // Сухого солнца полукруг». Иногда Терехов следует крестьянской традиции заселять небо реалиями земного быта. Созвездие Скорж у него сыплется на землю углями... Звёзды ассоциируются с узелками рыбацких сетей... Это становится понятно, если вспомнить о небесном созвездии Рыб: «Начало путинки. И в звёздных сетях // Запуталась камбала».

Один из сборников поэта назван неожиданно: «Дикое жито». Главная его тема — трагическое противоречие между прогрессом и природой. «Дикое жито» как раз и символизирует тот мир, в котором человек был не «царём природы» и самодуром, а естественной и нужной его частью:

*Там, где фасадами зренье не сковано,
Там, где в зоре небосвод,
Краннему солнцу
Поднявшись рискованно,
Дикое жито цветёт.*

Поэт не случайно пишет «поднявшись рискованно»:

*Потным асфальтом ложится
дорога,
Земля кроит без ножа.*

*Дикому житу достался крохи:
Яма, канава, межа.*

Мотор, символ прогресса и главный критерий природы, воспринимается как сила, разрушающая мировую гармонию: он «буравит дали». Именно из-за него не слышно говора перелёток, населявших травы, пшеницу, рожь... Поэт призывает людей, которые «мчат деловито» по дорогам прогресса, пристально взглянуть в себя: «Что мы такое без дикого жита, // Доброй и чистой зари?».

Не пора ли и нам, дорогой читатель, присоединиться к тревожным размышлениям поэта крымской природы Владимира Терехова?

ГЕННАДИЙ ШАЛОГИН,
кандидат филологических наук, заслуженный работник культуры Украины, член-корреспондент Крымской Академии наук.

Кумыс счастья Натальи Харлампьевой

В якутской литературе женские имена долго оставались единичными явлениями и к тому же находились на периферии литературного процесса. Но в последние десятилетия XX века произошёл прорыв, и в современной якутской литературе распустился роскошный цветок женской поэзии. Среди тех, кто подготовил появление целого ряда новых поэтесс, приоритетное место, несомненно, принадлежит Наталье Харлампьевой.

Сама она так объясняет возникновение этого феномена: «В якутской поэзии долгое время главенствовали мужчины, а у них своё видение мира и на всё своя точка зрения. Очевидно, женский взгляд на жизнь и любовь, выраженный в стихах, делает популярной женскую поэзию, её ведь читают и замечают, может быть, это связано с изменениями в обществе, которые женщина, благодаря интуиции, ощущает чуть-чуть быстрее, она успевает за меняющимся миром, она тоньше, более чутка и реагирует даже на незначительные перемены и нюансы в обществе, в человеческих отношениях и природе».

Биография Натальи Ивановны выглядит вполне благополучной и достаточно типичной для её поколения, многие представители которого самостоятельно проложили свою дорогу в жизни. В настоящее время Наталья Харлампьева — главный редактор республиканской газеты «Саха сирэ» и председатель правления Союза писателей Якутии.

Как признаётся сама поэтесса, её первые рифмованные строки были написаны на русском языке, поэтому она не могла пройти мимо русской литературы. В поле зрения находилась, прежде всего, поэзия Серебряного века. Не случайно эпиграфами к стихотворениям Н. Харлампьевой служат цитаты не только якутских поэтов, но и строчки из произведений А. Блока, А. Ахматовой, М. Цветаевой, Б. Ахмадулиной.

Материал творчества Натальи Ивановны позволяет выявить как её общую философию жизни, так и взгляды на искусство, в частности представление о миссии поэта и возможности художественного слова. Она придерживается традиционной точки зрения на общественное назначение литературы и высокую, гражданскую миссию поэта. Более того, вслед за великими классиками национальной литературы склонна подчёркивать особую роль писателя как подвижника правды и слуги народа. Поэтесса прямо говорит: «Не верю скемалистой Музе». У её собственной музыки нет «лиैसेго воротника» она не навязывает никому свои песни за высокую цену. Она не должна стареть, чтобы сохранить свободу, задор и свежесть восприятия. Поэтому в одном из стихотворений муза предстаёт в облике «легконогой девицы, мелькающей в нарядах своих рошек Магана». А в другом стихотворении автор запрещает своей музе «звать её в райские кущи» и «соблазнять цедрами несуществующей страны».

Ещё одна традиция, которую соблюдает Наталья Харлампьева, — это вера в силу слова. В стихотворении, посвящённом дочери, поэтесса советует: разговоривай на разных языках: Пушкина, Шекспира, — но самое сокровенное доверяй родному языку.

В стихотворении «Сон» авторумнится, что она предстаёт перед небесным судом. Всевышний заявляет, что поэтесса не уготована спокойная, безмятежная жизнь, и призывает оправдать своё высокое предназначение — «глаголом жець сердца людей». По его знаку пожилая светловатая женщина преподносит ей чорон с животворным напитком — кумысом, у которого был «запах и

вкус жизни». В контексте названия сборника Натальи Харлампьевой («Кумыс счастья») этот древний напиток не просто означает восприятие жизнеутверждающих сил добра, любви, познания, но и неразрывную связь времён, продолжение традиций предков, духовную «эстафетность».

Философия Натальи Ивановны присутствуют традиционные черты, присущие ментальности народа саха. В частности, в её поэзии то и дело проступают нотки фатализма, заданности хода жизни, предопределённости судьбы человека. Харлампьевой чужд бездумный оптимизм, так как она видит, что на долю досталась сложная, переломная эпоха, которую в одном из стихотворений называет «продажным веком». Временами поэтессе осеняет грусть, и она призывает к себе верную подругу — «печальное одиночество», чтобы «тихо пошепталась с ней о жизни, о счастье».

Наталья Харлампьева — сторонница постепенного, эволюционного процесса, устойчивого, стабильного развития, без революционных потрясений и катаклизмов. В то же время она выступает против самоограничения, удовлетворения малым. Поэтесса призывает не разочаровываться в жизни, а стараться выдержать все её испытания. Никакие неудачи и ошибки не должны выбить человека из колеи, наоборот, они закаляют его, делают сильнее и опытнее. В её ранней поэзии в разных сочетаниях повторяются категории добра, справедливости, разума. В то же время Наталья Ивановна признаётся, что прежде «жизнь воспринимала без заты и оттенков, в чёрно-белом свете», но «с годами стала замечать контрасты».

Теперь стало ясно, что люди молятся разным кумирам и богам:

*Одни Богатству и тому,
Что называют Властью Силы,
Другие — Чести и Уму
И милиосердны до могилы.*

Лирический герой, как и сама Харлампьева, не признаёт безответственного оптимизма. Более сложным и диалектическим становится само представление о счастье:

*Не ценит счастья, кто счастливым
Всё время чувствует себя.*

Сквозным рефреном в поэзии Натальи Ивановны становится стремление к пониманию, дружбе, любви. В стихотворении «Взгляд — как мостик небольшой...» читаем:

*Там, где светность одна
От зари и до заката,
Понимания цена
Стала выше, чем когда-то.*

В современном мире крайне усложнившимся автор ищет опору в опыте старшего поколения («Дед Мэхэлэ», «Памяти матери», «Моя бабушка Наталья...»). Незыблемыми остаются такие ценности, как национальная история, народная мудрость, родной язык. В цикле «О родном народе» Наталья Харлампьева называет себя «осколком тюркской нации» и вспоминает «блистательную эпоху Кюл Тегина». Высокие понятия чести, долга, уважения, солидарности, заступничества она обнаруживает в родном эпосе олонхо.

Произведения Натальи Ивановны почти всегда имеют адресат. Поэтесса

обращается то к любимому человеку, то к идеальному герою — богатую из олонхо, то к близкой подруге, то к случайно попутчику. Таким образом, её поэзия изначально носит диалогический характер. При этом авторский голос не доминирует, напротив, вопросительные конструкции во многих стихотворениях свидетельствуют о сомнениях, раздумьях, поисках.

В одном из ранних интервью Наталья Харлампьева признавалась: «У меня нет патристических, высокогражданских и тем более набатных стихов. Я поэт-лирик, пишу о любви... к женщине, детям, людям». Тем не менее, в её поэзии, особенно в произведениях из зарубежных циклов, идея российского патриотизма, конечно же, присутствует.

В своём творчестве якутская поэтесса утверждает общечеловеческие нравственные ценности. Её жизненное кредо сформулировано следующим образом: «Совет простой: любить — честно, плакать — по-настоящему, расставаться — по-человечески...».

В то же время в произведениях Натальи Харлампьевой явственно ощущаются черты национального характера, в частности в них отразился сложный мир современной якутской женщины.

В ментальности лирической героини отчётливо выражено восточное, «иньское» начало. Её удел — терпение, ожидание, мольба, покаяние. Об этом свидетельствует, в частности, стихотворение «Утешение»:

*Вьюги ль вихурился грива
Иль хлещут дожди,
Своего терпеливо
Норгун Ботура жди...
Жди, душою измучась,
Жди судьбе не в укор,
Такова наша участь
Снезапамятных пор.*

А в стихотворении «В тени чьей-то счастливой судьбы...» якутская поэтесса, подобно японскому писателю Д. Танидаки, создала похвалу «тени» как эмблеме сложной, таинственной женской души.

В одном из своих произведений Наталья Харлампьева предостерегает от недооценки любовной поэзии, так как любовь, по её словам, «стержень жизни». Всё в мире носит преходящий характер: власть, богатство, зависть, — нетленна только любовь.

Подобно французскому писателю Стендалю, якутская поэтесса передала целую гамму любовных чувств: любовь-ожидание, любовь-томление, любовь-жалость, любовь-тоску, любовь-расставание, любовь-разлуку. Причём эти раз-

ные оттенки чувственных переживаний представлены не описательно, а функционально: то через образ девочки, перемещающейся с ноги на ногу у телефонной будки и не решающейся набрать знакомый номер; то через образ медленно бредущего по весенней улице с непокрытой головой парня, не обращающего внимания на летящий с крыш домов прошлогодний снег, который белым саваном покрывает его первую любовь.

Спецификой поэтического творчества Натальи Харлампьевой является пристрастие к малым лирическим формам, напоминающим древневосточные рубаи или японские танка и хокку. Один из циклов так и называется — «Маленькие стихи», а целый ряд поэм, включённых в сборники «Кумыс счастья» и «Три стихотворения», также снабжены эпигротом «маленькие». Поэтесса использует и форму шаманского песнопения.

Особую актуальность в творчестве Натальи Ивановны приобретает мотив времён года, обозначающий движение жизни, идею вечного круговорота, перехода одного состояния в другое. Ритмическая упорядоченность природных циклов, чередование времён года, дня и ночи воспринимаются как закон жизни вообще, в том числе индивидуального бытия, органично включённого в природную среду.

В связи с этим в поэзии Харлампьевой постоянно проследить процесс экстраполяции — распространения жизненных явлений, душевных состояний на мир природы. Самый любимый сезон поэтессы — осень, самый любимый месяц — август. Это время зрелости в природе, пуга зрелости и в творчестве.

Вообще восприятие природы Натальей Харлампьевой не лишено черт пантеизма, что тоже характерно для восточной поэзии. В её стихотворениях картины окружающего мира имеют значение не столько реального пейзажа, сколько выражают состояние души лирического героя, который с упоением вдыхает запах лиственницы, искренне радуется первому снегу, разговаривает с ночной звездой.

Все эти черты и общий пафос поэзии придают творчеству Харлампьевой особый романтический характер.

**А. А. БУРЦЕВ,
М. А. БУРЦЕВА**